

Кудьтура. - 2001. - 4-10 окт. - с. 8

Спиваков пригласил.

Публика горячо откликнулась

Такого съезда VIP-персон Большой зал консерватории не видел давно. Но ведь и событие какое — «Владимир Спиваков приглашает...» Само имя прославленного мастера уже притягательно, а он еще собрал под свои знамена звезд первой величины. Немудрено, что передние ряды партнера (особенно на открытии) были заполнены представителями московского бомонда. Напоминаем, что спонсорами фестиваля выступают Совинтел и British Airways, и предлагаем вашему вниманию заметки о трех первых концертах.

Приношение Шостаковичу

Свой фестиваль Спиваков открыл концертом-посвящением Д.Д.Шостаковичу (к 95-летию великого композитора). Неожиданной изюминкой этого концерта стала Сюита № 2 для джаз-оркестра, задавшая фестивалю мажорную тональность. Мы знаем Шостаковича как автора монументальных симфонических полотен, исполненных глубоких философских размышлений, но, оказывается, есть и другой Шостакович, искрящийся юмором и озорством, не убоившийся обратиться к джазу.

Российский Национальный оркестр, искушенный в академическом репертуаре, предстал по воле мастера Спивакова в совершенно новом качестве — эстрадного исполнителя — и выглядел в нем свежо и убедительно. Восемь очаровательных маршей, вальсов, полек сменяли друг друга в музыкальном калейдоскопе, лаская слух изящными мелодиями, грациозной оркестровкой, тонким сочетанием лиризма и юмора. Спиваков был во власти стихии танца, его руки то чеканили маршевые ритмы, то округло вальсировали, рождая в памяти ассоциации с Иоганном Штраусом, который, вероятно, так же упоенно дирижировал своими вальсами.

Одиннадцать номеров вокального цикла «Из еврейской народной поэзии» — это удивительно точное проникновение композитора в мир маленького человека, в котором отражается судьба целого народа, вечно гонимого, но не теряющего веры в счастье. Шостакович словно подслушал характерные интонации и обороты еврейской музыки и создал на их основе яркие жанровые зарисовки, развивающие музыкальные традиции Мусоргского.

Спиваков верен себе — в своих концертах он часто представляет публике новые исполнительские имена, давая им путь в большую концертную жизнь. На московском фестивале он одарил меломанов тремя великолепными певцами. У Яны Ивановой красивое, сильное и гибкое сопрано, которому подвластны и яркие краски, и нежные полутона. Она уверенно чувствует себя во всех регистрах, а совершенная техника позволяет ей сосредоточивать все внимание на создании различных художественных образов — от трагического до согретого теплым юмором. Такого роскошного контраля, как у Елены Новак, мы не слышали давно — это совершенный аналог виолончели по беспредельности дыхания, инструментальной насыщенности тембра, богатству нюансировки. У Михаила Губского тенор большого диапазона, настроенный не на самолюбование, а на проникновение в самые глубины авторского замысла. В дуэтах и терцетах он рыцарски галантен, хотя и не наступает на горло собственной песне. У него мощное, но без натуги форте и мягкое, выразительное пиано.

В.Спиваков бережно ведет своих солистов, обволакивая оркестровым орнаментом и соблюдая точный звуковой баланс, помогающий певцам раскрыть свои лучшие ис-

полнительские качества. При этом РНО не просто аккомпаниатор, а равный партнер, и maestro не упускает возможности временами высвечивать сочные мазки оркестровых красок.

Когда отзвучал последний аккорд Пятой симфонии Шостаковича и на сцену обрушился шквал аплодисментов, Спиваков поочередно поднял духовиков и ударников, воздавая должное их таланту и мастерству. Как угрожающе были трубы на фоне и литавр, и малого барабана в жутковатом марше первой части, как бархатисты валторны в танцевальном эпизоде второй, сколько тоски звучало в перекличке флейт, гобоя, скрипок в трагедийном центре симфонии — третьей части, и, наконец, как энергична поступь тяжелой меди в финале. А нежнейшее пианиссимо в побочной партии первой части у скрипок заставило зал затаить дыхание. В былые времена Спивакова нередко упрекали в излишней красивости его дирижерской манеры. В Пятой симфонии он предстал сгустком воли, подчинившей себе его пылкий, романтический темперамент. Никакой позы — все в музыке, все ради музыки. Его жест скуп и точен, порой из зала казалось, что он вообще не дирижирует. Но, видимо, на репетициях каждая фраза, штрих, нюанс были так ювелирно отточены, что на концерте требовалась лишь чуть приметная коррекция необходимого баланса и нюансировки. И лишь иногда Спиваков позволял себе короткий выплеск эмоций, дабы подчеркнуть значимость того или иного эпизода. Даже в апофеозе финала, когда страсти накалились до предела, maestro был сдержан (но не сух), и это еще больше наэлектризовывало атмосферу: эмоции, подвластные воле и рассудку, производят сильное впечатление.

“Странники” из Парижа

Если Спиваков приглашает к участию в своем фестивале, значит, это музыканты высокого класса. Такие, как французское трио “Вандерер”: пианист Винсент Кок, скрипач Рафаэль Пиду и виолончелист Жан Марк Филип Варжабедьян. Английская газета “Страд” окрестила трех молодых французских “блуждающими звездами”. Действительно, за 13 лет своей биографии трио “Вандерер” объездило свыше 60 стран мира, и всюду их концертам сопутствовал шумный успех. Немудрено: французские музыканты — победители престижных международных конкурсов камерной музыки в Париже, Мюнхене, Фишхоффе, открывших им дорогу к мировой концертной деятельности.

На фестивале Спивакова трио “Вандерер” выступило с программой из произведений Гайдна, Шоссона и Брамса. Самый выход их на сцену был необычен: молодые музыканты преодолели пространство от двери до роля в энергичном стремительном аллегро, словно обозначив свое намерение без промедления приступить к творчеству.

И приступили. Милый, добрый “дедушка” Гайдн (трио № 27 до мажор) прозвучал свежо, изящно, темпераментно. Музыканты сразу же

Фото ИТАР — ТАСС

продемонстрировали свое постижение стиля венской классики: пассажи пианиста были рассыпчаты и блестящи, смены форте и пиано скрипача и виолончелиста выверены до микрона, но эта выверенность не мешала ощущению вдохновенной импровизационности их игры. Исполнительское качество безусловно — ни одной случайности, которая всегда отчетливо слышна в прозрачной фактуре венской классики, хотя фортепианная партия изобилует октавами, терциями и прочими техническими сложностями. Их кантилена лирична, элегантно, богата тонкими переливами нюансов.

Трио Шоссона соль мажор не часто звучит на наших сценах. Тем более странно равнодушные московских “камерников”, не удостоивших своим посещением концерт французских коллег.

“Вандерер” — это три ярких музыканта, которые, не теряя своей индивидуальности, растворяются друг в друге во имя высшей цели — ансамблевого партнерства. Они по-юношески романтичны и по-взрослому рассудительны, и это сочетание позволяет им уверенно владеть своими эмоциями в музыке, располагающей к переклесту страстей. Насыщенный объемный звук виолончели, гибкая изысканность скрипки, сбалансированность динамики фортепиано — это великолепный сплав мастерства, заставляющий временами забывать, что на сцене всего три человека, а не симфонический состав, обладающий тембровым многообразием. Медленные части циклических произведений обычно наиболее трудны для исполнителей: в них не спрячься за блеском виртуозности, густотой фактуры, сменой динамики — здесь поддается красоте звучания, глубину мысли, искренность чувств в чистом виде. И “Вандерер” демонстрирует это: вторая часть трио Шоссона исполнена изысканно лиризма и благородства, а синхронность нюансировки настолько совершенна, что переходы тем от скрипки к виолончели и обратно практически незаметны. И все это покоится на цементирующей бережности фортепиано.

Песенный мелодизм Брамса призывает музыку его си-мажорного трио. Патетическая взволнованность, драматизм, столкновение контрастных образов — родная стихия трио “Вандерер”. Затаенная тревога упругого стаккато скерцо ярко контрастирует с напевностью сред-

него эпизода, вырастающего из светлого напева до гимнического звучания. Хоральные аккорды фортепиано в Адажио и ангельское пение струнных создают иллюзию умиротворенности, которая разрушается тревогой финала. Если быть придирчивым, то музыкантов можно упрекнуть в некоторой рыхлости формы последней части, но, возможно, доля вины лежит и на композиторе, не очень четко выстроившем конструкцию этой части.

Горячий прием публики был вознагражден трио “Вандерер” феерическим Скерцо Мендельсона, промчавшимся на одном дыхании.

Гимн Творчеству

И снова Владимир Спиваков за дирижерским пультом, на этот раз своего детища — Камерного оркестра “Виртуозы Москвы”, с которым связан уже более двадцати лет и о котором газета “Нью-Йорк пост” емко сказала: “Замечательный ансамбль солистов, которые понимают друг друга с одного вздоха, а играют как один голос”. И снова аншлаги в БЗК: афиша концерта обещала целую россыпь звездных имен. Это и один из лучших гобоистов Европы Алексей Уткин, и знаменитый Камерный хор В.Минина, и всеобщий любимец актер и режиссер Олег Табаков, ну и, конечно, сам maestro Спиваков со своими “Виртуозами”.

Гобой не зря называют “духовой скрипкой”: этот инструмент обладает выразительной певучестью и виртуозным блеском своей струнной родственницы, которая старше него на добрых два столетия. Наверное, эти достоинства и побудили Баха написать Концерт для скрипки и гобоя с оркестром.

Говорят, что Уткин играет на одном из лучших в мире инструментов французской фирмы “F.Loree”. Но, как заметил однажды Давид Ойстрах, “даже самый знаменитый инструмент не зазвучит, пока к нему не прикоснутся руки настоящего артиста”. Спиваковский “Страдивари” и уткинский “F.Loree” были в талантливых руках: два больших художника вели диалог то серьезный, то лирический, то шуточный, в котором раскрывалась красота баховской музыки. У этих инструментов разные тембры, но одинаково мягкое звуковедение, идентичность нюансов, единое чувство формы свидетельствовали о высоком ансамблевом мастерстве партнеров.

Известно, что Спиваков увлек-

ется живописью. Вероятно, это увлечение помогает ему живописать музыкой. Сотканная из прекрасных мелодий полифоническая ткань поэмы для струнного оркестра Шенберга “Просветленная ночь” изобиловала гармоническими и колористическими изысками, в которых дирижер и музыканты испытывали чувственное наслаждение. Кто-то назвал руки Спивакова “поющими” — по их жестам то мягким, то просящим, то требовательным можно представить эмоциональную партию произведения, даже не зная его музыки. На призывы этих рук музыканты откликнулись звуками удивительной красоты, из которых складывалось полотно, напоминавшее картины великих импрессионистов: “Виртуозы” виртуозны не только в технике, но и в колористическом мастерстве.

В этом концерте Спиваков выступал как скрипач, дирижер и автор литературно-музыкальной композиции по новелле С.Цвейга “Георг Фридрих Гендель” и оратории Генделя “Мессия”. Создатель камерного коллектива, maestro тем не менее любит многолюдье на сцене, когда есть большой хор, оркестр, солисты, когда можно перемещать огромные пласты музыки. Суть новеллы Цвейга в том, что творчество для художника — великий жизненный стимул, даже если он уже приготовился умереть. Гендель и в самом деле был на пороге смерти, когда его озарила идея написать ораторию “Мессия”. Эта идея вдохнула силы в умирающее тело, и композитор создал одно из величайших своих творений. “Я все же думаю, что со мной был Господь”, — сказал он словами из “Мессии”.

Спиваков соединил новеллу с семьей частями оратории (всего их 48), как бы продолжающими музыкальными средствами литературное повествование. Мощно и взволнованно звучали Камерный хор Минина и “Виртуозы”, могучий бас Дмитрий Белосельского заполнил весь Большой зал, драматическая экспрессия неподражаемого Олега Табакова, читавшего новеллу, завораживала и музыкантов на сцене, и публику в зале. А над всем этим великолепием возвышался на дирижерском подиуме Владимир Спиваков... Литературно-музыкальное действо завершилось ликующе — звучала “Аллилуйя” — гимн вечно живому Творчеству.

Евгений ЭПШТЕЙН